

ДМИТРИЙ И. ПОЛЫВЯННЫЙ (СССР)

ТЫРНОВГРАД ГЛАЗАМИ СРЕДНЕВЕКОВОГО СОВРЕМЕННОКА

В последние годы в исторической литературе, посвященной феодальному прошлому Болгарии, наметился интерес к некоторым аспектам развития общественной мысли, ранее не являвшимся предметом специальных исследований. К ним относится и вопрос об образе города в сознании средневекового современника. В настоящей работе на основе анализа преимущественно нарративных источников „домашнего“ и иностранного происхождения делается попытка рассмотреть средневековые представления о столице Второго Болгарского царства с нескольких точек зрения: Тырново как населенный пункт и среда обитания; Тырновград как объект специфической сакральной защиты, „богоспасаемый град“; болгарская столица как аналог и соперник Константинополя, „Царьград Тырнов“.

Описывая или упоминая Тырново, средневековые авторы отдают явное предпочтение его политической и военно-стратегической характеристикам. Как показал А. Попов, большинство эпитетов, применяемых источниками XIII—XIV вв. к Тырново, относится к роли города как центра политической власти¹. Тырново предстает в них как первый по значению город Болгарии и ее столица, место пребывания царского престола и патриаршей кафедры. Яркие описания Тырновграда, как созданные отечественными книжниками, так и принадлежащие иностранцам, посвящены прежде всего природным и искусственным укреплениям болгарской столицы². Такие стороны жизни города, как хозяйственная деятельность, быт и досуг его обитателей, нашли весьма незначительное отражение в нарративных источниках XIII—XIV вв. Однако пристальный разбор отрывочных описаний Тырново и его населения позволяет выделить отдельные черты представлений о городе. Для Григория Цамблака его непеременимыми атрибутами являются многолюдие, шум, суета. Автор уделяет особое внимание разнородности многочисленного населения столицы, описывая знать, превосходящую других „по имени, добродетели и происхождению“; духовенство — „церковников“; мастеров — „художников“, занятых различными ремеслами; купцов, торгующих в своих лавках — „продавницах“; феодальную челядь — „рабов“, выполняющих на своих господ различные работы — „владыкоугождения“;

¹ А. Попов. Епитети и определения към името на средновековната столица Тырновград. — ГМСБ, кн. 2, Варна, 1976, 281—293.

² Похвално слово за патриарх Евтимий от Григорий Цамблук. С., 1972, 198—199; Гръцки извори за българската история. Т. 11. С., 1983, с. 51.

земледельцев, озабоченных видами на урожай; пришлых и нищих людей, обилие которых делало город похожим на странноприимный дом³.

Внешний облик Тырновграда вырисовывается в нарративных памятниках еще менее отчетливо. Описания подчеркивают такие его элементы, как церкви и царские дворцы, упоминаются дома феодалов, охраняемые прислугой, городские улицы — антипод плодородных сельских нив, рынок — неременная часть города⁴.

Обращает на себя внимание тот факт, что в различных описаниях болгарская столица предстает одновременно как единый город, носящий имя Тырновград (очевидно, по названию главного городского укрепления на современном холме Царевец), и как комплекс отдельных „градов“: Тырново, Трапезицы, Новграда и др. Мы видим в этом отражение характерной особенности городов Второго Болгарского царства, большая часть которых находилась в горной местности. Здесь традиционное поселение, прежде всего сельское, обычно распадалось на ряд отделенных друг от друга частей, которые в османское время получили название „махала“. Эти части, несмотря на свою разбросанность, иногда значительную, составляли село, носившее общее имя. Аналогичной была и структура многих городов, отдельные укрепления и „подградия“ которых зачастую находились на немалом расстоянии друг от друга (Станимака, Враца, некоторые дунайские города) или даже были разделены рекой (Бдин, Никопол, Русе—Гюргево, Свиштов)⁵. Они воспринимались, как единые городские комплексы, хотя и подразделялись на отдельные „грады“. Скорее всего, эта особенность сказалась и на представлениях о средневековом Тырновграде. Таким образом столица Второго Болгарского царства воспринималась современниками как состоявшая из отдельных частей — „градов“, обширная и мощно укрепленная агломерация с большим и разнородным по занятиям и социальному статусу населением.

Значительное место в представлении о столице средневековой Болгарии занимала мысль о специфической сакральной защите, предоставляемой ей „небесными силами“. Она находила выражение в идее о т. наз. „благодати“, зависевшей от сосредоточения в городе христианских святынь: храмов, реликвий и мощей, от „благочестия“ правителя города и его жителей. „Собиранием благодати“ отмечена политика уже первых тырновских государей. Петр и Асен, стремясь подчеркнуть „богоспасаемость“ своей столицы, активно способствовали распространению легенды о „чудесном обретении“ в Тырново одной из важнейших православных святынь — „чудотворной“ иконы св. Дмитрия Солунского. Калоян и Иван Асен II перенесли в Тырновград мощи Иоанна Рилского, Параскевы Эпиватской, Иллариона Мыгленского, Михаила Воина, Филофея, Феофану, Иоанна Поливотского. Незадолго до падения болгарской столицы сюда были доставлены мощи Гавриила Лесновского⁶. Наличие столь многих святынь делало Тырново одним из важных религиозных центров православного мира. Подчеркивая „богоизбранность“ болгарской столицы, патриарх Евфимий в последней трети XIV в. создал торжественные похвалы, посвященные подвижникам, чьи мощи хранились в Тыр-

³ Похвално слово за пагтриарх Евтмий . . . , 136—137, 188—189, 208—209; Б. Ангелов. Из старата българска, руска и сръбска литература. С., 1958, с. 184.

⁴ Похвално слово . . . , 136—137, 190—191; Б. Ангелов. Указ. соч., с. 184.

⁵ С. Лишев. Българският средновековен град. С., 1970, 18—20; Д. И. Поляныны. Исторические судьбы дунайских городов Болгарии в средние века. — В: Университетски изследвания и преподавания по българската история у нас и в чужбина. Т. I. С., 1985 (под печат).

⁶ И. Дуйчев. Тырново като политически и духовен център през късното средновековие. — Българско средновековие. С., 1972, 426—427.

ново. Летописный „Список русских городов дальних и ближних“, составленный в конце XIV в. в Москве, в кругах, близких к митрополиту Киприану, особо отмечает пребывание в Тырново мощей св. Параскевы⁷. Другой русский летописный текст, описывающий взятие болгарской столицы османами, подчеркивает, что уничтожение ими мощей святых означало окончательную гибель города⁸.

Средневековое общественное сознание приписывало реликвиям особую градозащитную силу. Так, Григорий Цамблак видит „третью городскую стену“ Тырново в мощах св. Параскевы, отбивающей нападения врагов „как смелый воин“⁹. С „храбрым воеводой“, обороняющим город, сравнивает святую патриарх Евфимий¹⁰.

Идея о сакральной защите города конкретизировалась в специфическом культе Богородицы-градозащитницы, распространенном среди населения болгарской столицы. Жители Тырново во второй половине XIV в. массовыми восьмидневными торжествами отмечали церковный праздник Успения Богородицы (15 августа), тесно связывавшийся в православном мире с культом Богоматери-градозащитницы¹¹. С мольбой о спасении Тырново к „Марии приснодеве, защитнице града“ обращается во время османского нашествия патриарх Евфимий¹². К свидетельствам распространения этого культа в Болгарии в данную эпоху относится и топоним „Девин град“, зафиксированный в одной надписи из раскопок Цареваца¹³.

Сакральным центром Тырново был патриарший храм Вознесения, венчавший главное укрепление столицы на современном холме Царевац. С городским собором также связывались идеи о градозащитной силе святынь. Об этом, в частности, свидетельствует рисунок, выполненный во второй половине XIV в. жителем тырновского села Мусино „царским пчеларем“ Димитром. Изображенный здесь храм занимает все внутреннее пространство городских укреплений. Называние рисунка — „Град Тырнов“ — свидетельствует о том, что его автор отождествлял церковь Вознесения со всем городом¹⁴. Как параллель, отметим, что идея отождествления города с его центральным храмом, вытекавшая из представлений о градозащитной силе святынь, в интересующее нас время нашла свое выражение в перемене древнего имени центра западноболгарских земель Средеца на название митрополичьего храма св. Софии — главной церкви этого города¹⁵. Уже упомянутый нами русский летописный текст о падении Тырново уделяет особое внимание судьбе соборной церкви, превращенной османами в мечеть. В политической практике того времени это означало полное подчинение города новому властелину.

Несомненно, вера в градозащитную силу святынь, составлявшая немаловажный элемент представлений о болгарской столице, особенно усилилась в эпоху османского нашествия. Это было связано с общим ростом ми-

⁷ Полное собрание русских летописей. Т. 7. СПб., 1856, с. 240.

⁸ Полное собрание русских летописей. Т. 25. М., 1949, с. 220.

⁹ И. Иванов. Български старини из Македония. С., 1931, с. 434.

¹⁰ E. Kaľuŝniacki. Werke des Patriarchen von Bulgarien Euthymius (1375—1393). Wien, 1902, 75—76.

¹¹ Похвално слово..., 188—191; Д. С. Лихачев. Градозащитная символика Успенских храмов. — В: Уникальному памятнику русской культуры — Успенскому собору Московского Кремля — 500 лет. М., 1979, 35—36.

¹² E. Kaľuŝniacki. Указ. соч., 344—345.

¹³ См.: Д. Поливяни. Мястото на Девин град и неговата роля. — ИПр., 1984, № 2, 81—85.

¹⁴ С. Маслев. Едно неизвестно у нас изображение на Царевац. — Археология, 1967, № 2, 1—13.

¹⁵ И. Иванов. Български старини из Македония, 600—601.

стических настроений и отчаяния масс, не видевших реальной защиты от страшного врага ни в ослабленных военных возможностях феодально-раздробленного государства, ни в противоречивой политике официальной исихастской церкви.

Представления о политической роли Тырново и месте болгарской столицы среди других центров христианского мира составляют, пожалуй, наиболее важный аспект интересующей нас проблемы. Особое внимание исследователей закономерно привлекают идейно-политические концепции, касающиеся международного авторитета Тырновграда. В последнее время в научной литературе неоднократно ставился вопрос о складывании и политическом содержании идеи „Тырново — Третий Рим“. При этом справедливо отмечалось, что данная идея в XIII—XIV вв. была еще недостаточно зрелой, „преждевременной“¹⁶.

Мы склонны поддержать мнение, что отдельные проявления идеи „Тырново — Третий Рим“ действительно имели место в средневековой политической мысли. Помимо примеров, приведенных В. Тыпковой-Займовой, укажем на один пассаж „Задонщины“ — русской поэмы конца XIV в., повествующей о поражении войск Мамаю на Куликовом поле. Здесь говорится, что слава о победе войск Дмитрия Донского летит „к Железным вратам и к Караначу, к Риму и Кафе по морю, и к Торнаву, и оттоле ко Царюграду“¹⁷. Наряду с Железными вратами — Дербентом на Кавказе, Караначем-Ургенчем, одним из центров Хорезма, незадолго до Куликовской битвы освободившегося от ордынской власти, и Кафой — генуэзской колонией на берегу Черного моря, перечень включает три главных центра тогдашнего христианского мира, причем Тырново поставлено на второе место. Учитывая, что многие памятники Куликовского цикла в конце XIV в. подверглись редакции в окружении митрополита Киприана, можно предположить, что указанный текст мог в известной мере отразить и политические взгляды, имевшие хождение в средневековой Болгарии.

Пока не поддается окончательной интерпретации один весьма любопытный текст, встречающийся в южнославянских „Громниках“ и восходящий к болгарскому оригиналу XIV в. Это — гадательный список, где важнейшие политические реалии связываются с определенными созвездиями Зодиака: Рыбы — фряги, Овен — Рим, Телец — Бдин, Близнецы — Тырново, Рак — русы, Лев — Дунай, Дева — Романия, Весы — Иерусалим, Скорпион — Анатолия, Стрелец — Солунь, Козерог — сербы, Водолей — море¹⁸. На наш взгляд, содержание перечня указывает на вторую половину XIV в. — время подъема и обособления Бдина, османского нашествия из Малой Азии — Анатолии, усиления Московской Руси. Обращает на себя внимание отсутствие имени византийской столицы. Мы полагаем, что традиционное название „Царьград“ или „Константинов град“ здесь заменено на библейское „Иерусалим“, что могло быть результатом воздействия распространенной на европейском Востоке идеи „перенесения“ или „обновления“ всемирного хри-

¹⁶ Р. Поптодоров. „Втори Константинопол“, „Трети Рим“. — В: Прослава на Велико Тырново. С., 1978; Й. Андреев. Тырновската книжовна традиция и идеята за Третия Рим. — В: Тырновска книжовна школа. Т. 3. Григорий Цамблак. Живот и творчество. С., 1984; В. Тыпкова-Займова. Българо-византийските отношения и концепциите за „Втория“ и „Третия“ Рим. — В: Изследвания в чест на акад. Николай Тодоров. С., 1983. (Studia Balkanica, 17).

¹⁷ Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV в. Л., 1981, с. 104.

¹⁸ М. А. Андреев. Политический и общественный элемент византийско-славянских гадательных книг. — Byzantinoslavica, 1, 1932, p. 70.

стианского центра, в рамках которой Константинополь воспринимался, как „новый Иерусалим“¹⁹.

Характерно присутствие в списке имен двух болгарских городов — Тырново и Бдина. Как нам представляется, в данном случае мы имеем дело с отражением политических реальностей Болгарии второй половины XIV в., когда Бдин стал наиболее влиятельным из самостоятельных центров, противостоявших Тырново. Если, как мы увидим далее, идеалом и моделью для болгарской столицы служил Константинополь, то Тырново, в свою очередь, становился таким образом для „столиц“ феодальных уделов, на которые распалась страна. Зарождающаяся идея „Бдин — новый Тырновград“ представлена и в „Похвале св. Филофее“, написанной последним бдинским митрополитом Иосафом²⁰. Особое место в ней занимает тема перенесения мощей святой из завоеванного османами „царствующего града Тырново“ в последний стольный город Болгарии. Османское нашествие наложило серьезный отпечаток на развитие этой идеи, приобретающей отчетливо апокалиптический оттенок. Однако в ней можно видеть и зачатки новой политической идеологии эпохи феодальной раздробленности, когда роль образца и модели развития для удельных центров играет столица некогда единого государства. Например, в Древней Руси таким образом стал Киев, как аналоги и преемники которого воспринимались вначале Владимир, а затем Москва, причем идея „перенесения власти“ подчеркивалась возведением в этих городах по подобию и „в меру“ киевской церкви Успения Богородицы соборных храмов²¹.

Наряду с указанными реминисценциями средневековых концепций „перенесения власти“ на болгарской почве следует выделить ряд самобытных проявлений политической мысли, связанных с идеологическим обоснованием авторитета Тырново. Нет сомнений в том, что мерилom этого авторитета, идеалом и моделью для болгарской столицы на протяжении XIII—XIV вв. оставался Константинополь. Болгарские государи видели в полулегендарном и вместе с тем хорошо им известном Царьграде первостепенный по значению образец для устройства собственной столицы, которую они мыслили и создавали как аналог и как соперницу „города Константина“. Важнейшими компонентами представления о „Царьграде“ (идейный смысл этого термина удачно подметил Й. Андреев²²) были наличие в нем царского престола, патриаршей кафедры и присутствие уже упоминавшейся нами „благодати“, означавшей „богоизбранность“ города. Уже в первых политических акциях Асений: коронации Тодора под именем наиболее популярного в Болгарии в годы византийского владычества царя Петра; рукоположении тырновского архиепископа и „перенесении“ в Тырново „чудотворной“ иконы Димитрия Солунского, — можно увидеть тенденцию к созданию столицы восстановленного Болгарского царства по образу и подобию Константинополя. В правление Калояна эти тенденции проявились еще более ярко. Несомненно, значительное влияние на становление государственной идеологии оказало падение Константинополя в 1204 г., сильно пошатнувшее „богоустановленный“ авторитет Царьграда. Важнейшим этапом в формировании представления о „болгарском Царьграде“ стало правление Ивана Асена II. В Тырновской надписи от 1230 г. уже высказана мысль о том, что болгарская столица стала главным центром светской власти на Балканах: „Только го-

¹⁹ Й. Иванов. Богомилски книги и легенди. С., 1925, с. 285.

²⁰ И. Дуйчев. Из старата българска книжнина. Т. 2. С., 1944, с. 250.

²¹ Полное собрание русских летописей, т. XXV, с. 63, 293, 324.

²² Й. Андреев. Указ. соч., с. 315.

рода около Царьграда и сам этот город держали фряги, но и они повиновались деснице моего царства, ибо не имели иного царя, кроме меня"²³. Восстановление Болгарской патриархии в 1235 г. было следующим важным шагом на пути создания идеи о „Царьграде Тырново“. Современные события источники подчеркивают, что патриаршеским достоинством был увенчан город Тырново и его кафедральный храм Вознесения²⁴. В правление Ивана Асена II столица обретает и могущественного „небесного покровителя“ в лице св. Параскевы — Петки, принадлежавшей к числу наиболее почитаемых в православном мире представителей христианского пантеона²⁵. Соединение всех указанных компонентов позволило болгарским государям и их окружению открыто провозгласить Тырново „царствующим градом“. Этот термин упомянут по отношению к болгарской столице в одной из первых местных служб св. Петке, созданной в честь перенесения ее мощей в Тырново²⁶. Не случайно присутствие эпитета „Царьград“ в раннем житии патриарха Иоакима I, сподвижника Ивана Асена II, и в возгласении вечной памяти этому патриарху в Синодике болгарской церкви²⁷. Таким образом, идея о Тырново как аналоге Константинополя, „болгарском Царьграде“, сформировалась уже в правление Ивана Асена II.

Заслуживает самого серьезного внимания мнение болгарских исследователей о том, что важную веху в дальнейшем становлении идеи „Тырново—Царьград“ составили события, связанные с Лионским собором 1274 г. В это время в уже существовавшее понятие „Царьград Тырново“, возможно, вкладывалось новое содержание, не только противопоставлявшее болгарскую столицу погрязшему в „латинстве“ Константинополю, но и подчеркивавшее ее положение как единственного „богоспасаемого“ православного центра. Однако, грандиозный политический кризис, усугубленный татарскими набегами, усиление классово-войсковой борьбы, вылившееся в крестьянскую войну Ивайло, и пошатнувшееся международное положение Тырново положили конец вселенским притязаниям болгарского „Царьграда“.

Новое оживление идейной борьбы вокруг места Тырново в православном мире наблюдается в середине — второй половине XIV в. Как нам представляется, в это время складываются две главные концепции, которые можно условно обозначить как „Тырново — новый Царьград“ и „Тырново — второй Царьград“. Суть первой, обосновывавшейся окружением царя Ивана Александра, состояла в пропаганде полной независимости от Константинополя, подчеркивании роли Тырново как главного православного центра в противовес византийской столице. Данная концепция зафиксирована в ряде памятников, вышедших из придворных кругов и патриаршего окружения в 40-е—50-е гг. XIV в. Это — известная добавка к болгарскому переводу хроники Константина Манассии 1344—1345 гг., глосса к евангелию от Иоанна, переведенному Теотокием Псилицей по повелению „всеосвященного патриарха богоспасаемого Царьграда Тырново Симеона“ в 1347—1348 гг., по-

²³ И. Дуйчев. Из старата българска книжнина. Т. 2, с. 39.

²⁴ М. Г. Попруженко. Синодик царя Борила. С., 1928, с. 85.

²⁵ А. И. Рогов. Петка Тырновская в восточнославянской письменности и искусстве. — В: Русско-балканские культурные связи в эпоху средневековья. С., 1982, 161—164.

²⁶ И. Иванов. Български старини из Македония, с. 426, 430.

²⁷ Х. Кодов. Опис на славянските ръкописи в библиотеката на БАН. С., 1969, с. 46; М. Г. Попруженко. Указ. соч., с. 91.

слание болгарского патриарха Феодосия духовенству Зографа и запись в т. наз. Германовом сборнике 1359 г.²⁸

Сопоставление этих данных со сведениями об остром конфликте между болгарской и византийской церквями, выразившемся в отказе Тырновской патриархии от признания церковного главенства Константинополя и в ряде попыток Тырново установить свой духовный примат в православном славянском мире (участие болгарского патриарха в коронации Стефана Душана и провозглашении Сербской патриархии, рукоположение в Тырново одного из кандидатов на митрополичий престол „всех Руси“ Феодорита), говорит о том, что новые тенденции в развитии официальной идеологии были тесно связаны с реальными политическими шагами болгарского престола и Тырновской патриархии.

Вторая концепция выдвигалась в это время в противовес первой Константинополем. Известное послание патриарха Каллиста 1355 г., обосновывавшее подчиненное положение болгарской церкви по отношению к византийской, перекликается с написанным им несколькими годами позже житием Феодосия Тырновского, где болгарская столица названа „царствующим градом болгар, вторым после Царьграда и словом, и делом“²⁹. Идя на известный компромисс и признавая Тырново „царствующим градом“, вселенский патриарх и здесь подчеркивает его зависимое от Константинополя положение. Тенденция принизить роль Тырново видна и в житии св. Ромила, вышедшем приблизительно в то же время из-под пера греческого монаха Григория. Здесь о болгарской столице говорится, как о „городе тамошней епархии, ранее называвшемся Торвон, а теперь Тырново“³⁰.

Как нам представляется, с приходом к власти в Тырновской патриархии исихастского духовенства и с усилением ойкуменических тенденций в рамках православной византийско-славянской общности открытое противопоставление болгарского Царьграда Константинополю отходит на второй план. Характерным кажется то обстоятельство, что в известных нам произведениях Евфимия термин „Царьград“ в применении к болгарской столице уступает место эпитету „преславный“, или, гораздо реже, „царский“ или „царствующий“ город³¹. Например, если в раннем проложном житии Михаила Воина, созданном, видимо, в XIII в., имеется описание положения мощей святого „в богоспасаемом Царьграде Тырново, в великой патриаршей церкви святого Вознесения“, то Евфимий в похвальном слове св. Михаилу ограничивается указанием на помещение мощей святого в „великой патриаршей церкви“³². Любопытен и еще один пример. Ученик патриарха Евфимия Григорий Цамблак, несмотря на свой яркий патриотизм, называет Константинополь „великим городом, царицей городов“³³. Некоторые авторы считают, что цитированные слова также относятся к Тырново, что, на наш взгляд, неправомерно. Во-первых, конечной целью описываемого путешествия ми-

²⁸ И. Дуйчев. Из старата българска книжнина. Т. 2, с. 97, 135, 171; Д. Ивanova - Мирчева. „Германов сборник“ — български писмен паметник от X век в препис от 1359 г. — Български език, 1965, № 4—5, 314—315.

²⁹ В. Киселков. Патриарх Калистовата грамота от 1355 г. — Духовна култура, 1932, № 50, 214—219; Житие и жизнь преподобного отца нашего Феодосия. — Сб. НУНК, кн. 20. С., 1904, с. 17.

³⁰ И. Дуйчев. Из старата българска книжнина. Т. 2, с. 232.

³¹ Е. Каџуџниаски. Указ. соч., с. 24, 25, 27, 56, 59, 71, 74, 95, 96, 98, 198, 274, 408, 430, 431 etc.

³² Й. Иванов. Български старини из Македония, с. 424; Е. Каџуџниаски. Указ. соч., с. 24.

³³ Б. Ангелов. Указ. соч., кн. 1, с. 183.

трополита Киприана был не Тырново, а Константинополь³⁴. Во-вторых, данный эпитет единичен, если иметь в виду болгарскую столицу, но, в то же время, он представляет собой буквальный перевод официального „титула“ Константинополя „βασιλὶς πόλεων“, причем сохранен даже женский род, неприменимый к болгарскому слову „град“.

Таким образом, представление о Тырново как политическом, религиозном и духовном центре православного мира развивалось в рамках его сопоставления с Константинополем и находилось в непосредственной связи с конкретной политической обстановкой на Балканах, и прежде всего со всем сложным комплексом болгаро-византийских отношений в их широком международном контексте.

³⁴ См.: Г. М. Прохоров. Повесть о Митяе. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л., 1978, с. 60.